

Е.Е. Анисимова

СИБИРСКИЙ ФРАГМЕНТ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ В.А. ЖУКОВСКОГО С ЦЕСАРЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОМ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ОТ ДЕЛОВОГО ОТЧЕТА К АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ ПРОЕКЦИЯМ¹

В статье исследуется специфика восприятия отечественным культурным сознанием XIX – первой половины XX в. сибирского путешествия В.А. Жуковского с цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. Рассматриваются разновидности понимания и репрезентации этой знаковой поездки в официальном отчете, научных и художественных биографиях Жуковского, исполнившего в то время обязанности наставника наследника престола.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Александр II, Сибирь, травелог, имагология, биография, рецепция.

Целью настоящей работы является исследование в рецептивной перспективе культуры XIX – первой половины XX в. «сибирских глав» известного путешествия В.А. Жуковского с его августейшим воспитанником. В качестве источников, в которых эта рецепция документирована, нами были привлечены газета «Северная пчела», сочинения П.А. Плетнева, К.К. Зейдлица, П. Загарина, А.Н. Веселовского, К.М. Фофанова, Эллиса и Б.К. Зайцева, т.е. тексты, цепочка которых, соединяя разные в хронологическом и историческом отношениях эпохи, позволяет наблюдать выстраивание одного из парадигмальных образов Жуковского – воспитателя и ментора.

Осмысление этого материала включает в себя два этапа. Первый – реконструкция образа Сибири в восприятии самих путешественников. Анализ дневников и писем Жуковского и его попутчиков показал, что в сознании Жуковского и наследника престола сформировались разные версии образа Сибири². Восприятие Александра Николаевича во многом опиралось на известные ему культурные модели подобных путешествий в широком диапазоне от инициации до ревизии провин-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 14-14-24003.

² Подробнее об этом см.: [1].

ции. В описании сибирских реалий цесаревич часто прибегал к типологизации и обобщениям, стремясь возвести к существующим в его сознании образцам те явления, которые не укладывались в представления о норме. Воззрения Жуковского на Сибирь, напротив, позволяют увидеть присущее поэту умение разделять литературный «конвой» путешествия (на время вояжа пришелся опыт работы над восточной повестью «Наль и Дамаянти») и обстоятельства реальной поездки, в которые он стремится вникнуть максимально объективно. Встреченные в Сибири люди предстают в дорожных записках Жуковского как обладатели подчеркнуто индивидуального облика.

Второй этап изучения путешествия 1837 г. – осмысление рецептивного текста русской культуры, внимание представителей которой было сосредоточено на уникальном прецеденте посещения Сибири будущим императором и его наставником-поэтом. Первые комментарии к этой беспримечной поездке стали появляться в русской периодике практически синхронно с передвижением поезда цесаревича по России. Позднейшие интерпретаторы сибирского травелога 1837 г., как правило, демонстрировали свои индивидуальные рецептивные подходы. Во многом эта закономерность была продиктована необходимостью включать эпизод поездки Жуковского с великим князем в общую концепцию жизни и творчества русского романтика. Так, одними путешествие Жуковского осмыслялось в категориях «царской педагогики», другими – как «сентиментальное путешествие», а третьими – как прощание поэта с Россией. В интерпретациях как отдельных эпизодов биографии наставника цесаревича, так и в общих принципах его жизнеописания можно наблюдать действие универсального рецептивного закона «изобретения традиции», когда прошлое демонстрируется в свете актуального настоящего. Кроме того, в ряде случаев заметным является стремление автора биографии установить аналогии между ним самим и объектом его описания, стремление, становящееся особенно настойчивым в творчестве русских эмигрантов «первой волны». Так, Б.К. Зайцев в своем беллетризованном жизнеописании поэта «Жуковский» использует стратегию самоописания как на уровне отбора материала, так и на стилевом уровне.

В большей части поздних откликов на «сибирский травелог» Жуковского и его венценосного воспитанника в центре внимания находился эпизод ходатайства за ссыльных декабристов. Понятно, что в публикациях современников такие острые темы затрагивать было не принято. Детали помощи участникам событий 1825 г. получили ши-

рокую известность благодаря работе Н. Дубровина «Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам» (1902), которая позволяла рассматривать сибирский эпизод в широком контексте биографии и филантропической деятельности поэта [2]. Однако для сторонников «сентиментального» подхода к жизнеописанию Жуковского, К.К. Зейдлица и А.Н. Веселовского, политический аспект путешествия по Сибири остался на периферии их интересов: Жуковский в глазах позднейших авторов отчетливо не был «одним и тем же».

Научная перспектива изучения путешествия по России Жуковского с наследником престола была задана работами Ю.М. Курочкина, А.С. Янушкевича и Р.С. Уортмана. С привлечением значительного массива документов, находящихся как в столичных, так и в местных архивохранилищах, Ю.М. Курочкин осветил уральскую часть этой поездки в краеведческом ключе [3]. Исследователь показал пересечение путниками Уральского хребта изнутри самого региона, дополнив уже известные сведения многочисленными локальными подробностями и прокомментировав целый ряд эпизодов путешествия и дневниковых записей Жуковского. А.С. Янушкевич ввел в научный оборот полный текст дорожных дневников поэта, сопроводив их обстоятельным комментарием [4, 5]. Позднее исследователь осветил путешествие Жуковского по России в имагологическом аспекте и описал закономерности «политической педагогики» поэта на заключительном этапе обучения им наследника престола [6]. Р.С. Уортман, в свою очередь, в фундаментальном труде, посвященном динамике «сценариев власти» в Российской империи, рассмотрел путешествия по России 1837 г. как элемент в системе символов придворного церемониала николаевской эпохи [7. Т. 1. С. 473–482]. По мысли ученого, Николай I покончил с восходящей к смутам и переворотам XVIII в. привычкой воспринимать потомков как потенциальных соперников нынешнего царствующего властителя и предложил совершенно новый – династический сценарий власти. В рамках этого «семейного» сценария фигура наследника престола и процесс его образования, включая и путешествие по России 1837 г., приобретали первостепенное символическое значение.

Традиция рецептивного осмысления путешествия 1837 г. имеет свою внутреннюю логику. Стартовой точкой в последовательности откликов является презентация официальной версии событий и фактографическое документирование этой беспрецедентной поездки.

Позднее всё отчетливее становится тенденция разрабатывать на ее основе индивидуальные проекты биографии Жуковского. В корпусе источников, созданных позднейшими интерпретаторами, можно выделить две генеральные линии рецепции: назовём их условно «сентиментальная» и «наставническая». В работах первых авторитетных биографов поэта, трудах К.К. Зейдлица и А.Н. Веселовского, масштабное путешествие по России находится на периферии внимания авторов. Так, Зейдлиц включает поездку в сюжет рыцарского «служения» Жуковского своей возлюбленной М.А. Протасовой-Мойер. Опираясь на этот мотив, А.Н. Веселовский обосновывает сентиментальный характер творчества стихотворца. Другие биографы, напротив, видят в путешествии 1837 г. апогей наставнической деятельности поэта и подчеркивают то огромное влияние, которое он оказал на характер и деятельность будущего царя-освободителя. Так, П. Загарин, Эллис, Б.К. Зайцев и Б. Носик подчеркнули значительную роль сибирского вояжа в послаблении режима содержания и последующей амнистии декабристов, а также в отмене крепостного права. На пересечении этих групп текстов находится баллада К.М. Фофанова «Очарованный принц», в которой соединяются сентиментальный и наставнический сюжеты путешествия.

Поездка цесаревича включается в характерный для имперской культуры первой половины XIX в. процесс символического присвоения обособленной территории: создающийся в центре дискурс Сибири начинает в большей степени ориентироваться на идею интегральности имперского пространства. В записках о поездке наследника символом этого присоединения стали слова сибиряков, впервые увидевших на своей земле будущего императора. Эти слова попали сначала в частную переписку путешественников, а затем оказались и на страницах официальной печати. 3 июня 1837 г., находясь в Тобольске, цесаревич извещал отца: «Я точно не знаю, как благодарить Тебя, милый Папа, за то, что ты меня прислал сюда, ибо пребывание мое здесь принесло жителям и мне душевную радость. Они говорят, что доселе Сибирь была особенная страна и теперь сделалась Россиею» [8. С. 53]. Уже спустя две недели в «Северной пчеле» за 18 июня 1837 г. было напечатано: «В Сибири Его Высочество с особенным удовольствием видел повсюду хлебородные земли, обильные пастбища и необыкновенное вообще богатство в дарах природы, из коих многие еще доселе не тронуты по причине бедного населения. Жители сего отдаленного края в восторге радостного умиления и благодарности за посещение их Авгу-

стейшим путешественником восклицали повсеместно: Доселе наша земля была Сибирью; с сих пор стала Россией» [9. С. 537].

Следующими по хронологии развернутыми отзывами на путешествие наследника престола по России стали работы П.А. Плетнева: статья «Путешествие по России Е.И.В. Государя наследника цесаревича» (1838) и эпизод биографии «О жизни и сочинениях В.А. Жуковского» (1852). Рецептивный отклик Плетнева интересен уже тем, что его труды не зависели от политической и экономической конъюнктуры, как это было в случае с публикациями отчетов в «Северной пчеле», придерживавшейся «официального курса». Плетнев же выступал, прежде всего, как деятель культуры и ставил перед собой другие задачи.

П.А. Плетнев, критик и ученый, был современником и другом Жуковского. Его работа «О жизни и сочинениях В.А. Жуковского», начатая в год кончины поэта, была первым опытом осмысления биографии и литературной деятельности русского романтика. Внимание Плетнева было сосредоточено главным образом на характере его творчества. Плетнев отдает должное педагогической и филантропической деятельности наставника цесаревича, но истинным предназначением считает все-таки поэзию. Деликатные детали происхождения Жуковского критик обошел, не назвав, например, имен его родителей и не конкретизировав нюансы его привязанности к М.А. Протасовой-Мойер. Как и в некоторых последующих биографиях поэта, 1837 г. освещается здесь под знаком смерти Пушкина, от рукописей которого Жуковский оторвала поездка по России [10. С. 317]. Путешествию 1837 г. Плетнев посвящает две страницы своего обзора [11. Т. 3. С. 106–107], отсылая заинтересованных читателей к собственной статье «Путешествие по России Е.И.В. Государя наследника цесаревича», анонимно опубликованной в журнале «Современник» за 1838 г. О ней 30 декабря 1838 г. Плетнев специально спрашивал у Жуковского: «Не браните ли вы меня за статью о вашем путешествии по России?» [11. Т. 3. С. 532]. Характерно, что В.Г. Белинский в своей «Литературной хронике» ошибочно называл автором работы Жуковского, восторженно отзывавшись о его стиле [12. Т. 2. С. 398].

В статье «Путешествие по России» Плетнев не конкретизирует образ Сибири, назвав первое направление вояжа движением «на восток»: «Первое направление пути Государя Цесаревича от Санкт-Петербурга простиралось на *восток*. Посещены были следующие губернии: Санкт-Петербургская, Новгородская, Тверская, Ярославская,

северо-западная часть Владимирской, Костромская, часть Вологодской, Вятская, Пермская и Тобольская. Из посещенных мест Его Высочеством *последнюю точкою на востоке* был город Тобольск. На проезд 3717 $\frac{1}{4}$ верст, расстояния от Санкт-Петербурга до Тобольска, употреблено тридцать два дня, между которыми по два и по три сряду проводимы были Государем Наследником в губернских городах и других местах примечательных» [13. С. 9]¹.

Если верноподданническая «Северная пчела» акцентировала главным образом церемониальный и идеологический характер путешествия, то Плетнев стремился рассмотреть его эмпирическую и топографическую стороны. Поэтому вместо пробуждавшего в сознании читателя множества ассоциаций топонима Сибирь он использовал официальное наименование Тобольской губернии и, подобно географу, обозначил лишь направление движения – восточное.

Другой акцент, который сделал в своей статье-травелоге Плетнев, – это указание на предельную отдаленность мест, к которым стремились путешественники и в число которых, бесспорно, попадает и *умолчанная* Сибирь: «По России можно путешествовать для рассеянности, для удовольствия, как путешествуют в южных Европейских государствах. Она, слава Богу, разнообразна и обширна. Не таково было предназначение путешествия Государя Цесаревича. Мысль Его Родителя обнимала одно благо народа и священное призвание Наследника Престола. Обозреть наибольшее пространство государства, особенно *края, самые отдаленные от столиц*» [13. С. 2]. Поэтому точное указание на расстояние от Санкт-Петербурга до Тобольска в 3717 $\frac{1}{4}$ версты, учитывающее даже доли версты, и на направление движения, демонстрировало, прежде всего, то, насколько далеко наследник престола заехал на восток империи.

Следующей биографией поэта была книга К.К. Зейдлица, опубликованная на немецком и русском языках (1870, 1883). События 1837 г. в ней равномерно распределились между делами творческими (окончание «Ундины»), семейными (болезнь А.П. Елагиной, решение Мойера о переезде в Муратово), трагическими (гибель Пушкина и разбор его рукописей) и придворными (сопровождение наследника престола во время поездки по России). Из всей поездки Зейдлиц выделяет только один пункт назначения – село Мишенское, где поэт провел «шесть дней в кругу родных и среди воспоминаний о минувших временах» [14. С. 162]. Подобный подход вполне отвечал жизнестро-

¹ Здесь и далее за исключением специально оговоренных случаев курсив наш. – Е.А.

тельной установке биографии Зейдлица, сосредоточенной на сюжете рыцарского служения Жуковского М.А. Протасовой-Мойер и ее светлой памяти. Об остальных точках путешествия сказано следующим образом: «Его Высочеству оставалось еще лично познакомиться с *провинцией*» [14. С. 161]. В этом отношении Сибирь для Зейдлица выступает такой же провинцией, как и другие губернии Российской империи. Далее Зейдлиц также делает сноску на статью Плетнева в «Современнике». В немецком варианте биограф использовал более краткий вариант: «путешествие по России» (“*einer Reise durch Russland*”) [15. S. 148].

После Зейдлица очередную биографию Жуковского создал Л.И. Поливанов, выпустивший под псевдонимом «П. Загарин» жизнеописание поэта, приуроченное к его юбилею в 1883 г. Поливанов, директор гимназии и педагог, уделил много внимания обращенной к наследнику педагогической деятельности Жуковского, а путешествию по России 1837 г. посвятил целую главу. В ней Загарин отметил: «Путешествие Наследника входило уже в план, первоначально начертанный Жуковским. Он должен был завершить свое образование непосредственным знакомством со своим отечеством – как с Европейской Россией, так и с Сибирью» [16. С. 507]. Центральным событием поездки по Сибири в интерпретации Поливанова стало ходатайство цесаревича, Жуковского и Кавелина перед Николаем I за сосланных декабристов. После гибели Александра II в 1881 г. тема воспитания царя-освободителя в биографии Жуковского начинает выдвигаться на первый план, а поездка 1837 г. в Сибирь отныне выглядит как необходимое звено в этой цепочке. «Будучи в Сибири, Наследник Цесаревич послал свои ходатайства к Императору за несчастные жертвы политического заблуждения. Жуковский писал о том же из Златоуста, без ведома Цесаревича, которому сообщил об этом уже после того, как отдал письмо свое фельдгегерю. <...> В свою очередь и Кавелин от себя послал ходатайство о том же. Все трое, не сговариваясь, сделали одно и то же. Легко себе представить то общее радостное чувство, с каким на дороге между Буинском и Симбирском, когда Цесаревичу было вручено встретившимся здесь фельдгегерем ответное письмо Императора, выйдя из экипажей, посреди дороги, обнялись Августейший воспитанник и достойные его наставники» [16. С. 508–509].

Для освещения этого события Поливанов активно пользовался письмами поэта Александре Федоровне, которые не только пересказывал, но и обильно цитировал. Кроме того, обращает на себя внима-

ние и то, что биограф растушевал официальный характер вояжа: в качестве сопровождающих цесаревича лиц названы только Жуковский и Арсеньев, а также «несколько сверстников по воспитанию» [16. С. 507]. Такая презентация состава путешественников сильно упрощала представительский характер поездки и акцентировала ее педагогическую составляющую. Согласно лаконичному списку Поливанова в путь отправлялись учителя и их воспитанники. На военных смотрах, официальных визитах и обозрении достопримечательностей, в частности технологических, он подробно не останавливался.

А.Н. Веселовский в своей книге «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (1904) не выделил поездку по России 1837 г. в отдельный сюжет, однако неоднократно упоминал об этом путешествии и продемонстрировал знакомство с его подробностями и документальными источниками, которые ранее не были доступны широкому читателю. Незадолго до этого И.А. Бычков опубликовал часть дневников поэта в «Русском архиве» за 1902 г. Вот что пишет Веселовский о Жуковском-путешественнике:

Мы не вправе прилагать к Жуковскому мерку нашего реального и эстетического понимания народности; она не лежала в сфере его непосредственных интересов. В 1837 г. он промчался по России от Сибири до Крыма, но дневники его путешествия, по настроению и направлению наблюдений, ничем не отличаются от его старых, заграничных; не видно подъема симпатий к развернувшимся перед ним картинам народной жизни. По-прежнему он зарисовывает виды: на Губерлинской станции его поразили “горы, как лев или крокодил, лежащие поперек. Камни, как бородавки” (11 июня); “крестьяне на дороге в хорошей одежде” (6 июня). Местные исторические воспоминания схематизируются огулом, без оглядки, в общее положение или размышление с расплывающимися поэтическими контурами [17. С. 537].

Очевидно, что собирание «местных исторических воспоминаний» стало бы аргументом в пользу романтизма Жуковского. Основная идея работы Веселовского, напротив, заключается в последовательном доказательстве того, что русский баллажник был поэтом-сентименталистом. Потому ученый во всей обширной поездке по России 1837 г. видит именно неосуществленную возможность романтического интереса к народным преданиям и национальной истории, чему другие биографы поэта не придали никакого значения.

В качестве крайних точек и одновременно значимых рубежных регионов Веселовский выделил Сибирь и Крым. В отличие от Поли-

ванова Веселовский подробно не останавливался на помощи декабристам во время поездки 1837 г. О декабристах ученый упоминает лишь мельком – в ряду других благодеяний поэта, которые он использует как аргумент, доказывающий принадлежность Жуковского к числу сентименталистов [17. С. 363], хотя ссылка на подробное исследование Н.Ф. Дубровина свидетельствует о том, что с обстоятельствами дела Веселовский был хорошо знаком. Очевидно, что в фокусе биографа-исследователя находилась деятельность Жуковского-историка и фольклориста, а не филантропа.

Но любопытна другая находка Веселовского, включенная в биографию поэта. Ученый вводит в жизнеописание Жуковского документы, свидетельствующее о той атмосфере, в которой протекала приворная жизнь поэта этого времени:

Дневник, веденный с 27 июля по 4 августа 1837 г. старым приятелем Жуковского, Александром Михайловичем Тургеневым, в дни приезда в Москву Жуковского с наследником, и начинающийся чем-то вроде обращения к другу, открывает другие, не столь веселые перспективы на обстановку, в которой находился воспитатель. “На тебя смотрит вся Россия, вся Европа. Первая утешает себя мыслью упования, наслаждается благоденствием, уготованным трудами и попечением твоим при развитии душевных качеств питомца твоего; вторая знает тебя, как знаменитого автора. Ты не принадлежишь сам себе; имя твое будет известно в позднейшем потомстве. Роль твоя à реу грès – роль Адашева. В этих отношениях ты ходишь, как говорят, по ножевому острию. Ты всем известен добротою души и сердца твоего. Все знают, что душа твоя светла, как зеркало, с которого и малейшее дуновение исчезает. Но знай, что ты имеешь много людей недоброжелательствующих тебе. Всем тем, кого называют у нас родовыми, ты не угоден, потому что у тебя нет трехсаженной поколенной ермолафии. В шестьдесят лет жизни мне довелось видеть одного в большом табуне родовых, который не принадлежал к роду, а прочие все носили отпечаток наследников Тараса Скотинина. Сколько раз слышал я восклицания насчет выбора твоего: чему быть доброму, что можем у него занять, чему научиться? Стихи писать? И вслед за сими восклицаниями панегирик Екатерине II за премудрое избрание Николая Ивановича Салтыкова, человека п<одл>ейшего и гн<ус>нейшего, какого когда-либо видали под солнцем... Я уверен... что ты скорее согласишься умереть, нежели сделать какую-либо подлость. Но суди ж о людях, и именно родовых, которые до того тупы и дерзки, что осмеливаются тебя ставить в параллель с Н.И. Салтыковым. И пото-

му, повторяю тебе, ты ходишь по ножевому острию. Помни, родовая сволочь на все способна!.. Питомца твоего масса любит и обожает, родовая сволочь видит в нем направление, не сообразное с ее желаниями. Она будет всячески стараться употреблять все ухищрения, чтобы завладеть грунтом и истребить хорошие семена, тобою насажденные. Уповаю на Бога! Это ей не удастся [17. С. 387–389].

Веселовский первым проблематизирует положение Жуковского в свите наследника, которое, если судить по дневниковым записям, никак не совпадало с самооценкой поэта. Не исключено, что, назначая на должность наставника цесаревича незаконнорожденного Жуковского, Николай I бросал вызов аристократам, утратившим после попытки переворота 14 декабря 1825 г. доверие императора. Собственно сибирское путешествие Жуковского Веселовский рассматривает как нереализованную возможность сбора «местных исторических воспоминаний».

Необычным обращением к сюжету путешествующего наследника престола становится баллада К.М. Фофанова «Очарованный принц» (1897). В дошедших до нас черновиках этой баллады сохранилась творческая история текста. В тринадцатой – пятнадцатой строках появляется образ наставника царевича, биографически близкий Жуковскому:

Со взором ребенка, с душою поэта,
Смиранный наставник ему говорил,
Что там, за стеною, сокрыта от света
Толпа светозарных, таинственных сил [18. С. 284].

В предшествовавших итоговому тексту материалах, названных набросками¹, этот отрывок был сразу написан набело, в то время как вместо предыдущих двенадцати строф, в которых описывалась уединенная жизнь принца, было написано только три – впоследствии полностью переработанных, а пока лишь намечающих контур «пролога». После первых трех строф Фофанов поставил помету «и т.д.» [19. Л. 4], а также знак пунктира, отделяющий центральный диалог (ключевой для поэтики баллады элемент) от предыдущего эпизода. После записи диалога принца и наставника Фофанов вернулся к дописыванию того, что подразумевалось под «и т.д.». На следующих листах рукописи записанный набело диалог царевича с наставником уже не

¹ Далее – черновой автограф № 1 [19]. Более поздний вариант баллады с подписью и пометой о времени и месте окончания работы над текстом – черновой автограф № 2 [20].

менялся и был включен в текст сокращенно с пометой «Со взором ребенка –» [19. Л. 5].

Следующим кульминационным эпизодом баллады стало достижение принцем совершеннолетия и путешествие по государству, ассоциирующееся с поездкой Александра Николаевича в 1837 г. и аналогичной поездкой Николая Александровича (из всех наследников русского престола цесаревичи Александр в 1830-е гг. и Николай в 1890-е наиболее глубоко заезжали вглубь страны). Как кажется, именно вояж будущего Николая II стал импульсом для раздумий Фофанова на эту тему: поэт поселился на жительство в Гатчине как раз в то время (1890 г.), когда оттуда отправился в путешествие цесаревич Николай [21. С. 11; 22. С. 87]¹. У Николая Александровича заграничный вояж предшествовал поездке по России, Александр Николаевич, напротив, подобно персонажу фофановской баллады, сначала осуществил поездку по своей стране. Не исключено, что в сознании Фофанова произошло наложение этих поездок как двух типологически близких ситуаций в русской истории (подобная ассоциация возможна и на чисто языковом уровне: имена наследников престола зеркальны по отношению друг к другу).

Наставник царевича ассоциируется с Жуковским в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, это жанровая маркированность текста. Балладный канон в русской культуре был сформирован Жуковским, потому оставленная Фофановым жанровая помета неизбежно провоцировала читателя на поиск подобных параллелей. В «Очарованном принце» Фофанов использует четырехстопный амфибрахий, ставший «визитной карточкой» Жуковского-балладника. Этот размер входил в «ядро метрического репертуара» его баллад (7,5%), а также в число тех размеров, которые «вызывали прочные ассоциации с балладами Жуковского и активно функционировали у его ближайших и отдаленных последователей» [24. С. 246] (например, у Пушкина в «Черной шали»).

Во-вторых, данное Фофановым описание наставника принца – «с душою поэта», «со взором ребенка», «смиранный» – точно совпадает со стереотипным образом Жуковского, созданным его современниками, и, конечно, никак не ассоциируется с фигурой воспитателя Николая II – генерала Г.Г. Даниловича. В 1880-е гг. – во время празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Жуковского и осмысления итогов правления погибшего в 1881 г. Александра II – часто ставился вопрос о благотворности воспитания будущего царя поэтом,

¹ О более позднем отношении Фофанова к Николаю II см.: [23].

тем более что это был беспрецедентный для России случай. Например, профессор О.Ф. Миллер часто рассказывал «в своих лекциях и публичных речах – о влиянии гуманной поэзии и нравственного облика Жуковского на императора Александра II и его реформы <...> “Памятник” этот, толковал впоследствии Орест Федорович (Миллер. – Е.А.) свою мысль, – это 19 февраля, акт величайшей человеческой гуманности и справедливости, которая проникла в сердце Наследника под благотворным влиянием своего воспитателя – “старца духом юного”. Это 19 февраля и послужило тем звеном, которое в его мысли соединило два образа, сделавшихся для него одинаково дорогими: образ поэта-воспитателя и освободителя-воспитанника» [25. С. 345].

В мемуарах тех, кто входил в ближайший круг Жуковского, были часты сравнения поэта с ребенком. Так, Ф.Ф. Вигель писал: «В нем точно смешение ребенка с ангелом, и жизнь его кажется длящимся превращением из первого состояния прямо в последнее» [26. С. 164]. Ср. образ Жуковского в воспоминаниях А.О. Смирновой-Россет: «Joukoffsky fait souvent des bêtises; il est naïf, comme un enfant» («Жуковский часто попадает впросак; он наивен как ребенок») [27. С. 24]. Эпитет «смиранный» в отношении поэта хорошо известен по посвященному ему стихотворению А.И. Тургенева, начинающемуся строками «Смиранный жизни путь цветами устилая, / Живи, мой милый друг, судьбу благословляя» [28. С. 244]. Смирение становится главным качеством в адресованных наследнику словах самого Жуковского в известном послании «Государыне Великой княгине Александре Федоровне на рождение в.кн. Александра Николаевича»:

С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку [29. Т. 2. С. 97–98].

Путешествие Александра Николаевича по России с апреля по декабрь 1837 г. состоялось сразу после его девятнадцатого дня рождения [7. Т. 1. С. 473]. Царевич Фофанов отправляется в путешествие по государству также после своего дня рождения:

И вот над губою усы затемнели;
Он строен; он вырос с дубок молодой...
Заздравные кубки в чертоге звенели,
Приветствуя принца с расцветшей душой.

Но, чокаясь дружно ответным бокалом,
Улыбкой даря обольщенных гостей,
Принц нежною думой следит не за балом
И ждет не дождется рассветных лучей [18. С. 286].

Центральное балладное событие – путешествие царевича по своей стране – сближается у Фофанова как с социальным сюжетом «реви-зии» провинции, так и с исторически реальным путешествием цесаревича Александра Николаевича. Остановимся на этом более подробно.

«Очарованный принц» тяготеет к распространенным в фольклоре и литературной традиции сюжетным схемам, в состав которых входит мотив неузнанного императора. В рамках этой мотивной конструкции государь и «наследник престола» являются взаимозаменяемыми субъектами, а в ряде случаев появление цесаревичей в роли персонажей исторического фольклора определяется их длительным пребыванием в этом статусе, как например, это произошло с Павлом I. Уже в конце XVIII в. подобные сюжеты пародировались И.А. Крыловым, который подверг сомнению «веру в частный, единичный характер зла и несправедливости и в легкость достижения благополучия благодаря действиям “просвещенного государя”» [30. С. 48]. В XIX в. сюжетная схема «хождения» царственной особы «в народ» достаточно сильно модифицировалась, причем в новых исторических анекдотах по сравнению с первыми историями об Иване Грозном и Петре Великом поступки власть имущих нередко стали превращаться в «риторический жест». В числе причин подобных трансформаций мотива Е.К. Никанорова со ссылкой на М. Гершензона называет то обстоятельство, что во время «правления Александра I и Николая I <...> люди, окружавшие их престол, “составили ограду, чрез которую никакие злоупотребления... не видны и голос угнетения и страданий... не слышен”» [31. С. 39]. Такая мотивировка созвучна одному из ключевых образов баллады Фофанова – «крепкой стены», имеющей в тексте не только материальные, но и социальные смыслы:

Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг [18. С. 283].

Будучи вписанной в балладную поэтику, эта сюжетная схема претерпевает у Фофанова значительную трансформацию. Во-первых, функционирование мотива неузнанного императора предполагает, что «следствием выхода императора за пределы дворцового пространства и встречи его с “простыми подданными” является или устранение допущенной несправедливости, или же оказание милости» [30. С. 42]. Путешествие фофановского героя заканчивается для него «политическим фиаско». Вопреки читательским ожиданиям устранения неспра-

ведливости не происходит, а оказание милости ограничивается «розданным бархатом». Во-вторых, мотив неузнанного императора изначально был исходным компонентом классической сюжетной схемы, в «Очарованном принце», напротив, этим мотивом текст замыкается:

И скоро покинут был принцем печальным
Дворец заповедный. Напрасно гонцы
Искали по странам, и ближним, и дальним,
Надменно стучася в чужие дворцы.

Принц сгинул! Исчез, как залетная птица,
В рассветном тумане. Как вздох, отошел!
И если погиб он, то где же гробница?
И если живет он, – то где же престол? [18. С. 288].

Фактически Фофанов включает в балладу два путешествия. Первое, развернутое в тексте, является официальным вояжем наследника по стране, к которому подданные обстоятельно готовятся, а затем торжественно встречают принца. Второе, имплицитно введенное в финал, содержит мотив неузнанного правителя: царевич остается неузнанным не только народом, но также придворными и членами семьи, что сближает балладу с сюжетной схемой «скрывающегося избавителя» [30. С. 44–45]. При этом оптимистический вариант прочтения финала затруднен тем, что источник несправедливости (традиционно продажный чиновник, жестокий генерал, жадный полицеймейстер и т.п.), как и народ, представлены в балладе Фофанова персонифицированно, в результате чего сюжет приобретает смысл исторической закономерности, непреодолимой усилием одного человека, пусть даже и наследника престола.

Наряду с компонентами сюжетной схемы «хождения в народ» «Очарованный принц» включает в себя целый ряд деталей реальной поездки цесаревича Александра Николаевича по стране. Так как официальный обзор путешествия наследника престола по России, опубликованный в «Современнике» за 1838 г. [13], по цензурным соображениям не мог включать многие подробности «бытовой» провинциальной жизни, мы воспользуемся документальной реконструкцией этого события, осуществленной Р.С. Уортманом.

Во-первых, Фофанов дал характерный для этого сюжета образ народа – нищенствующего и в то же время желающего оставить у наследника о себе прямо противоположное впечатление:

Он едет в селенье. Как мрачно! Заране,
Приветствуя славного принца приход,
Спешит в драпировки, гирлянды и ткани
Скрыть ветхую бедность тщеславный народ [18. С. 287].

Приготовления жителей провинции к приезду цесаревича осуществлялись сходным образом: «Города по его пути, многие из которых никогда прежде не принимали ни наследника, ни императора, готовились к его приезду. Губернские власти чистили улицы, красили публичные здания, чинили тротуары там, где они были. Бочки с водой, стоявшие на улицах на случай пожара, красили и заменяли в них воду, часто загнивавшую от долгого стояния. Разноцветные флаги оживили унылые пространства местных улиц» [7. Т. 1. С. 476].

Следующий сюжетный шаг – внутренняя реакция принца на увиденное в стране:

Задумчиво едет царевич обратно,
И грустно он входит под своды дворца...
Теперь ему стало несчастье понятно,
И нет ему счастья под кровом отца.

Он бархат свой роздал, он меч свой забросил, –
Былые забавы постыли ему [18. С. 287].

По сохранившимся документальным свидетельствам во время поездки по России цесаревич демонстрировал неподдельное сострадание нуждающимся:

Александр проявлял свою доброту и благотворительность. Следуя инструкции отца, он раздал 240 000 рублей нуждающимся и большие суммы на ремонт соборов и исторических памятников. Он получил около 16 000 обращенных к царю петиций с жалобами. В Сибири его тронула судьба многих ссыльных, в том числе декабристов, и он обратился к отцу с просьбой смягчить их участь. К радости сопровождавшей Александра группы, Николай сообщил сыну, что сократит сроки многих приговоров. Жуковский утверждал, что Александра подвигло на эти действия только его собственное сочувствие ссыльным. Увидев толпу, бегущую за каретой цесаревича, поэт заплакал и увидел в этом символ нации [7. Т. 1. С. 477].

В-третьих, характерологически верным оказался не только образ Жуковского-наставника, но и его воспитанника. Прежде всего Фофанов особо подчеркнул именно «ласковость» («Беднее одежда на ласковом принце» [18. С. 288]) – ту особенность поведения, которая ста-

ла главным заветом Николая I сыну перед поездкой: «Николай подробнее, чем его мать, останавливался на том, как должен наследник завязывать связи с теми, кого он узнает, и как внушать им чувство эмоциональной близости к себе. “Простота и ласковость со всеми должны к тебе каждого расположить и привязать”. <...> Он рекомендовал “ласковое и простое приветливое обращение” с купцами, особенно с теми, кто известен “своею добродетелью или полезными предприятиями”. “С простым народом доступность и непритворное ласковое обращение к тебе привяжет его”» [7. Т. 1. С. 475]. Ласковость, обаяние и приветливость стали общим местом в воспоминаниях жителей провинции о проезжавшем наследнике престола.

В «Очарованном принце» Фофанов использовал один из распространенных балладных сюжетов – «страшной поездки»¹, но нагнетаемый во время быстрой езды балладный страх приобрел в его произведении не мистический, а социальный смысл. Художественная природа «Очарованного принца» отличается синтетизмом, в нем соединились романтическая баллада с традиционным для литературной сибирки травелогом.

Следующим опытом оценки поездки 1837 г. стала биография Жуковского, составленная Л.Л. Кобылинским-Эллисом и изданная в Германии на немецком языке в 1933 г. Опираясь на аналогичную жизнеописательную работу своего отца, Л.И. Поливанова, Эллис повторяет те же эпизоды путешествия, только в значительно сокращенном виде: составление путеводителя, защита декабристов, встреча с Кольцовым и освобождение Шевченко [32. S. 228–229]. Однако любопытным представляется разделение России в сознании Эллиса на «европейскую» и «сибирскую» (“europäische und sibirische Rußland”) вместо традиционного членения на «азиатскую» или «восточную» [32. S. 228].

Накануне столетия со дня смерти поэта отдельным изданием вышел биографический роман Б.К. Зайцева «Жуковский» (1951). Путешествию 1837 г. писатель посвятил, как и Поливанов, отдельную главу, которую назвал «Прощание с Россией». Название главы и многочисленные комментарии Зайцева свидетельствуют об автопроекции писателя-эмигранта на так и не сумевшего в конце жизни вернуться на родину Жуковского. Всю поездку биограф помещает в эту раму

¹ Например, «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», «Лесной царь», «Людмила», «Светлана», «Ленора», «Мщение» Жуковского, деканонизированная баллада Пушкина «Бесы» и др.

прощания поэта с Россией, вводя порой в это смысловое поле весьма далекие события. Так, на идею прощания у Зайцева начинают «работать» все предшествующие и последующие обстоятельства: гибель Пушкина, вояж цесаревича по стране, метафора «обручения с Россией», которую подобрал для этого путешествия Жуковский: «И все-таки весь 1837 г. прошел у него (Жуковского. – Е.А.) под знаком именно России – не в творчестве, а в жизни. В эти месяцы ему была показана Россия в разных видах, и обширно, и глубоко, и величественно. Жизнь же его резко перегибалась к Западу. <...> Пушкин скончался, и Жуковский долго сидел с ним мертвым, созерцая ставшее столь прекрасным его лицо. Эта сцена прощания имеет, возможно, очень глубокий смысл. В тайне смерти в последний раз предстал Жуковскому облик России, гений ее, лучшее ее. <...> Как бы то ни было, ни раньше, ни позже не была показана ему такая панорама родины. Если для Наследника обручение с Россией, то для него самого прощание с ней» [33. Т. 3. С. 307, 313]. Мысль прощания с Россией была настолько дорога писателю, что он сознательно пошел на анахронизм, воссоздав путешествие 1837 г. в подобном «прощальном» ключе: в это время Жуковский еще не планировал поселиться за границей – наставник цесаревича подал в отставку в связи с женитьбой на Елизавете Рейтерн лишь четыре года спустя, в 1841 г.

Сибирская часть путешествия, по мысли Зайцева, привела к двум различным, но взаимосвязанным следствиям. Одно, теперь уже традиционное в интерпретациях биографии поэта, – это обусловленное наставнической деятельностью Жуковского смягчение участи декабристов во время поездки 1837 г.: «Он (цесаревич. – Е.А.) недаром провел годы с Жуковским. В век казарм и шпицрутенов взор его оказался устремлен далее, к свободе и милосердию. “Вышел сеятель сеять...” – посеянное Жуковским начинало всходить. В Сибири видели они много ссыльных, среди них и декабристов. Как всегда, здесь Жуковский был заступником и посредником в бесчисленных просьбах» [33. Т. 3. С. 309]. Другое – указание на прямую взаимосвязь между сибирскими впечатлениями цесаревича и крестьянской реформой 1861 г.: «Но не представлялось ли образованному юноше, объезжавшему свои владения, что вот этот край так обогнал Россию европейскую и *потому*, что крепостного права никогда здесь не было. Вольный труд вольного народа!» [33. Т. 3. С. 309].

Вот как Зайцев презентовал сибирскую часть вояжа: «26 мая, недалеко от станции Решоты, в тридцати верстах от Екатеринбурга,

достигли высшей точки Уральского хребта. Начало Азии, Сибирь! Ни один еще из царей русских не видал этих краев. Будущий Александр Второй увидел. Вот и Екатеринбург. Тут показывает Россия мощность недр своих – Наследнику подносят изумруд небывалой величины, удивительные изделия из яшмы, малахита, мрамора. Но в мирных снах своих не видали путники того, что через восемьдесят лет произойдет здесь со внуком ученика Жуковского» [33. Т. 3. С. 309]. В этом отрывке очевиден параллелизм между образом Сибири и образом «изумруда небывалой величины» (вспомним определения Сибири как драгоценного камня Российской империи). Подчеркнутое фиксирование точки перехода демонстрирует восприятие Сибири как некоего иного мира. Здесь же Зайцев допускает еще один хронологический сдвиг, включая в повествование события, находящиеся за пределами биографии Жуковского: расстрел императорской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Очевидно, что подобные временные скачки демонстрируют желание Зайцева описать события путешествия по Сибири не изнутри культуры XIX в., а с точки зрения человека XX в., пережившего революцию и вынужденного жить в эмиграции.

При работе над главой «Прощание с Россией» Зайцев активно пользовался письмами С.А. Юрьевича жене, опубликованными в «Русском архиве» за 1887 г. Часто биограф переносил мысли и чувства флигель-адъютанта на непосредственные дорожные впечатления самого наследника престола. Впрочем, к такому приему прибегал ранее и историк С.С. Татищев, работой которого также пользовался Зайцев при описании путешествия 1837 г. Сравним:

Юрьевич: Мы проехали лучшие губернии центральной России и не видели ни такого бодрого, богатого, видного, настоящего Русского народа, как по нашему тракту от Екатеринбурга до Тобольска: женщины решительно красивее и здоровее Ярославских и Костромских, даже одеты ближе к настоящему, национальному костюму. Земля, т.е. грунт, самый благодатный, вообще, чернозем, и возделана отлично»[34. С. 462].

Татищев: Сибирь произвела на великого князя крайне благоприятное впечатление. Даже в лучших центральных губерниях он не видел такого бодрого, богатого, видного, настоящего русского народа, как по Сибирскому тракту, от Екатеринбурга до Тобольска. Даже женщины показались ему красивее и здоровее ярославских и костромских. Земля, благодатный чернозем, возделана отлично [35. С. Т. 1. С. 80].

Зайцев: От Екатеринбурга до Тобольска, по Сибири все было – широта, мощь, изобилие. Ни в Костромской, ни в Ярославской губерниях не видал Наследник такого склада жизни у крестьянства (да и у мещан, купечества): все несравненно полнее, привольнее, богаче. Правда, людей меньше, а пространств больше и они щедрее, плодородней [33. Т. 3. С. 309].

В романе в целом и в описании сибирской поездки поэта в частности Зайцев стремился дать простой, бытовой облик Жуковского. Например, в роман впервые был включен фрагмент из письма Юрьевича о кулинарных предпочтениях путешественников. Адресатом текста Юрьевича была ожидавшая ребенка и живо интересовавшаяся губернскими балами супруга, которую муж стремился развлечь и позабавить:

Кстати об нашей дорожной компании. Мы составляем две главных секты: чаистов и простоквашистов; это две главные партии; есть еще партия пирожкистов, но она не сильна и впадает или в ту или другую секту. Во главе первой стоит А.А. Кавелин, его сильно держится Назимов: они пьют чай при всяком случае, даже по пяти раз на день. Во главе второй: я, потом наш Эскулап Енохин и Адлерберг. В.А. Жуковский хотел было составить особую секту: любителей пирожков, но, не имея успеха, пристаёт к нам, любителям простокваши. Думаю, что наступающие жары еще более увеличат мою секту. Великий князь и Паткуль доселе составляют решительный нейтралитет, т.е. и пьют чай, и не отказываются от простокваши. К.И. Арсеньев не держится сильно ни одной, но более склонен к простоквашистам, хотя сначала поддерживал пирожкиста [34. С. 464].

Текст Зайцева, напротив, выходил далеко за пределы бесхитростного семейного общения и был предназначен для широкой читательской аудитории: «И вот катят уже в своих доремзах к Симбирску, на остановках подзакусывают – и дальше. Спутники разделились на «чаистов» и «простоквашистов» – партии враждебные. Одна заказывала на станциях чай, другая простоквашу. Жуковский больше действовал по пирожкам, главное же – изнемогал от усталости» [33. Т. 3. С. 310]. Как видно, Зайцев в этом эпизоде активно прибегает к стилистически маркированным выражениям, что вызвало резкое неприятие И.А. Бунина. В письме Г.В. Адамовичу от 18 июня 1948 г. он написал: «Прочел в “Рус<ской> мысли” очередной отрывок из книги Зайцева о Жуковском. На этот раз о путешествии по России Жуковского с Наследником престола, Александром II. Путешествовали так: “На станциях *подзакусывали* и дальше. Жуковский больше *действовал по пирожкам*”» [36. С. 85]. Если, насколько можно понять, стратегия Зай-

цева заключалась в том, чтобы приблизить к себе Жуковского как человека, в том числе и через *быт*, то при встрече с бунинским восприятием персонально *своего* Жуковского, к которому Бунин возводил свою собственную писательскую биографию, конфликт делался неизбежным.

Дискуссия о стилистическом оформлении путешествия 1837 г. имела далеко идущие последствия. К ней Бунин возвращается 16 августа 1952 г. в письме от Ю.Л. Сазоновой: «Живу я очень плохо и по другим причинам – помимо болезней и жары. В бешенстве от книги Б. Зайцева о Жуковском; – точнее говоря, о Василии Афанасьевиче Бунине, – этого нагло-спокойного болвана, всем осточертевшего своей вечной Италией и стервой женой <...>. Прилагаю начало Зайцевской подлости и пошлости о Жуковском. А.И. Бунин был прекрасный хозяин, предводитель дворянства, а у Зайцева – “охота, водочка, развлечения деревенские”. И каким нагло-расхлябанным тоном все это говорится! И с очень определенной целью: чтобы показать, что и Жуковский был рохля, “прекраснодушный” и “незатейливый”» [37. С. 295].

Именно с критикой романа Зайцева связано известное по письму Н.Р. Вредену от 9 сентября 1951 г. высказывание Бунина о том, что он «классически кончает ту славную литературу, которую начал вместе с Карамзиным Жуковский, а говоря точнее – Бунин, родной, но незаконный сын Афанасия Ивановича Бунина и только по этой незаконности получивший фамилию “Жуковский” от своего крестного отца» [38. С. 408]. Та же мысль звучит в его письме Ю.Л. Сазоновой:

Простите мне нижеследующее: сто лет тому назад (в 1852 г.) умер Василий Афанасьевич Бунин, родной, но незаконный сын Афанасия Ивановича Бунина от его возлюбленной, турчанки, и по незаконнорожденности своей получивший при крещении отчество и фамилию Жуковского, приятеля <...> Бунина. / Этот Василий Афанасьевич Бунин начал рядом с Карамзиным ту русскую литературу, которая кончается теперь Иваном Алексеевичем Буниним. И вот я лежу и в ярости читаю книжку «Жуковский», написанную Борисом Зайцевым, юбилей которого справляла недавно черносотенно-«религиозная» «Русская мысль» во главе с пещерным скотом Зеелером – тем в одно и то же время наглым и елейным Зайцевым, подкольным агненком, который во время мировой войны с Гитлером называл американцев и англичан, бомбивших парижские заводы, занятые немцами, *Черчилльевскими молодцами* (на манер: «суворинские молодцы») и был свой человек у Жеребкова, парижского «молодца» Гитлеровского. Этот Зайцев со своей стервой женой и Зеелером рас-

пускал все последние годы слух, что я большевик, но мне на это наплевать. Меня бесит, что и как этот с.с. о Жуковском написал, каким элеем его облил [37. С. 298].

Позднее на прямую связь между освобождением крепостных и поездкой в Сибирь будет указывать автор современного «психологического» романа о Жуковском «Царский наставник» Б. Носик. Писатель увязывает антикрепостнические настроения поэта с его собственным происхождением и положением матери в доме Буниных:

В мае того же года Жуковский двинулся в свите Наследника в долгое путешествие по России. Сперва были волжские города, потом Урал, а дальше – необъятные просторы Сибири, где наследник мог увидеть русских крестьян, никогда не знавших крепостного рабства. Что же он говорил, наставник, своему воспитаннику под долгое, немолчное «ура», под продолжительные льстивые речи, выстрелы, фейерверки, тосты? То же, что и всегда, повторял свое – о человеческом (которое выше царского) достоинстве, о низости рабства. Вот она дословно, его проповедь ученику: «Быть рабом есть несчастье, происходящее от обстоятельств; любить рабство есть низость; не быть способным к свободе есть испорченность, произведенная рабством... (Может, при этих словах представлялась ему матушка Елизавета Деметьевна, которая и в собственном домишке при сыне, за столом сидящем, не решалась сесть, а все стояла перед столом, сложа руки, точно ждала приказа.) Государь... также не может любить рабство своего народа и желать продолжения его...» [39. С. 190–191].

Параллельным сюжетом становится уже ставшая хрестоматийной челобитная в защиту декабристов, только из троицы обнимающихся оказывается изъят Кавелин [39. С. 192].

Динамика рецепции путешествия 1837 г. показала, что в разные эпохи актуализировались различные детали этой знаменитой в истории русской культуры поездки. Так, задачей современников Жуковского были презентация самого события широкой читающей публике и систематизация разнообразия сопровождавших его эмпирических фактов. Последующие биографы включали «сибирский травелог» поэта и его воспитанника в свои оригинальные концепции его жизни и творчества. Поэтому каждая новая эпоха формировала свою версию поездки в Сибирь – от «сентиментального путешествия» к главному источнику крестьянской реформы 1861 г.

Литература

1. *Anisimova E.* The Siberian Journey of Vasily Zhukovsky and Tsesarevich Alexander Nikolaevich in 1837: Two Images of the Russian East // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 7. С. 1373–1381.
2. *Дубровин Н.* Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // Русская старина. 1902. Т. 110, вып. 4. С. 45–119.
3. *Курочкин Ю.М.* Уральский вояж поэта. Челябинск, 1988. 143 с.
4. *Янушкевич А.С.* Неопубликованные страницы «Дневников» В.А. Жуковского // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 159–179.
5. *Янушкевич А.С.* Путешествие с великим князем // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 14. М., 2004. С. 434–463.
6. *Янушкевич А.С.* Путешествие В.А. Жуковского с великим князем по России в 1837 году как имагологический текст // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2014. С. 14–23.
7. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002.
8. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. 184 с.
9. *Северная пчела.* 1837. № 135. 19 июня. С. 537–540.
10. *Цявловский М.А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 276–356.
11. *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка: в 3 т. СПб., 1885.
12. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959.
13. *Путешествие по России Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича* // Современник. 1838. Т. 9. С. 1–26.
14. *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. 257 с.
15. *Seidlitz C.* Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben. Mitau, 1870. 240 s.
16. *Загарин П.* В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883. 605 с. (первой пагинации), 100 с. (второй пагинации).
17. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. 549 с.
18. *Фофанов К.М.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова. СПб., 2010. 592 с.
19. *РГАЛИ.* Ф. 525. Оп. 1. Ед.хр. 243. Л. 4–7.
20. *РГАЛИ.* Ф. 525. Оп. 1. Ед.хр. 243. Л. 1–3об.
21. *Клеман М.* К.М. Фофанов // Фофанов К.М. Стихотворения / вступ. ст. и ред. текста М. Клемана. М., 1939. С. 3–24.
22. *Боханов А.Н.* Николай П. М., 1997. 739 с. («Жизнь замечательных людей»).
23. *Смиренский В.* Политические стихи Фофанова // Литературная газета. 1935. № 60 (551). 29 окт. С. 3.
24. *Матяш С.А.* Стих баллад В.А. Жуковского // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. М., 2008. С. 241–262.
25. *Глинский Б.Б.* Орест Федорович Миллер // Исторический вестник. 1889. Т. 37, № 8. С. 340–364.
26. *В.А. Жуковский* в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М., 1999. 726 с.

27. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / подгот. С.В. Житомирская. М., 1989. 792 с.
28. Поэты 1790–1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю.М. Лотмана, подгот. текста М.Г. Альтшуллера. Л., 1971. 912 с.
29. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–.
30. Никанорова Е.К. Мотив «неузнанного императора» в историко-беллетристических произведениях конца XVIII – начала XIX вв. // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы: сб. науч. тр. / под. ред. Е.К. Ромодановской, Ю.В. Шатина. Новосибирск, 1995. С. 39–52.
31. Никанорова Е.К. Мотив неузнанного императора в его сюжетных и текстовых модификациях (на материале исторических анекдотов XVIII – первой половины XIX веков) // Сиб. филол. журн. 2009. № 1. С. 36–46.
32. Kobilinski-Ellis L. W.A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Paderborn, 1933. 320 s.
33. Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. М., 1993.
34. Дорожные письма С.А. Юрьевича во время путешествия по России Наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский архив. 1887. Вып. 4. С. 441–468.
35. Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование: в 2 т. СПб., 1903.
36. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева, Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 8–164.
37. «Драгоценная скупость слов»: переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева, Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2 / сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2010. С. 267–397.
38. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004. 457 с.
39. Носик Б. Царский наставник: Роман о Жуковском в двух частях с двумя послесловиями. М., 2001. 344 с.

THE SIBERIAN FRAGMENT OF V.A. ZHUKOVSKY AND TSAREVICH ALEXANDER'S TRAVEL ACROSS RUSSIA IN PERCEPTION OF RUSSIAN WRITERS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: FROM BUSINESS ACCOUNT TO AUTOBIOGRAPHY

Imagology and Comparative Studies, 2015, 2(4), pp. 43–68 DOI: 10.17223/24099554/4/3
 Anisimova Evgeniya Ye. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
 E-mail: eval393@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, Alexander II, Siberia, travelogue, imagology, biography, reception.

The article investigates the perception of the well-known Siberian journey made by V.A. Zhukovsky and Tsarevich Alexander Nikolaevich. The author draws on the newspaper *Severnaya pchela*, works by P.A. Pletnyov, K.K. Seidlitz, P. Zagarin, A.N. Veselovsky, K.M. Fofanov, Ellis (L.L. Kobylinsky) and B.K. Zaitsev to demonstrate that the dynamics of the texts devoted to this journey shows the formation of one of the pivotal literary images of Zhukovsky as an educator and mentor.

The first comments on this unprecedented journey began to appear in Russian periodicals almost simultaneously with the Tsarevich's travel across Russia. The later interpreters of the Siberian travelogue of 1837, as a rule, revealed their individual receptive approaches.

This tendency was in many respects stipulated by the necessity to include the journey of the Grand Duke accompanied by the poet into a general concept of Zhukovsky's life and creative activity. Thus, some interpreted Zhukovsky's journey as 'tsarist pedagogics', others as a 'sentimental travel', and yet others as the poet's farewell to Russia. The interpretation of separate episodes of Zhukovsky's biography as well as general principles of his life description demonstrates the receptive universal law of the 'invented tradition', when the past is shown in the light of the present.

During the 19th–20th centuries, the Tsesarevich's visit to Siberia in the company of his poet-mentor was interpreted in various contexts. For Zhukovsky's contemporaries the journey meant a symbolic assignment of an isolated territory to the imperial heartland. Later estimates of the Siberian chapters emphasized the amnesty of Decembrists: this plot was peripheral in the receptive comments of the 1830–1850s. In the end of the 19th century, the similar journey around country made by another heir to the throne Nikolai Alexandrovich (future Nikolai II) served as a historical and cultural background for K.M. Fofanov's literary interpretation of the royal voyage. In his poem "Fascinated Prince" the poet connected the travelogue typical for the literary 'Siberica' with the romantic ballad in Zhukovsky's style. Finally, in the mid-twentieth century the "Siberian text" of the travelogue became an argument in the discussion of Russian emigrant writers I.A. Bunin and B.K. Zaitsev about stylistics of depicting similar events and literary genealogy.

The dynamics of the receptive tradition of the travel of 1837 showed that different epochs focused on various details of this famous journey. Thus, Zhukovsky's contemporaries aimed to present the fact to a wide reading audience and to systematize the authentic events of the journey. Later biographers included the "Siberian travelogue" of the poet and his royal educatee's in their original concepts of Zhukovsky's life and creative activity.

References

1. Anisimova, E. (2015) The Siberian Journey of Vasily Zhukovsky and Tsesarevich Alexander Nikolaevich in 1837: Two Images of the Russian East. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 8(7). pp. 1373–1381. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-7-1373-1381
2. Dubrovin, N. (1902) Vasilii Andreevich Zhukovskiy i ego otnoshenie k dekabristam [Vasily Zhukovsky and his attitude to the Decembrists]. *Russkaya starina*. 110(4). pp. 45–119.
3. Kurochkin, Yu.M. (1988) *Ural'skiy voyazh poeta* [The Urals Voyage of the Poet]. Chelyabinsk: South-Urals Book Publishing.
4. Yanushkevich, A.S. (1997) Neopublikovannye stranitsy "Dnevnikov" V.A. Zhukovskogo [The unpublished pages of V.A. Zhukovsky's *Diaries*]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 28. pp. 159–179.
5. Yanushkevich, A.S. (2004) Puteshestvie s velikim knyazem [The journey with the Grand Duke]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols.]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 434–463.
6. Yanushkevich, A.S. (2014) Puteshestvie V.A. Zhukovskogo s velikim knyazem po Rossii v 1837 godu kak imagologicheskii tekst [V.A. Zhukovsky's journey with the Grand Duke of Russia in 1837 as a imagologic text]. In: Grebennikova, N.S. (ed.) *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [The Dialogue of Cultures: Poetics of the Local Text]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 14–23.

7. Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power. Myths and Ceremony in Russian Monarchy. In 2 vols]. Translated from English by S. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
8. Zakharova, L. & Tyutyunnik, L. (1999) *Venchanie s Rossiey. Perepiska velikogo knyazya Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god* [The Wedding with Russia. Correspondence between Grand Duke Alexander Nikolaevich and Emperor Nicholas I. 1837]. Moscow: MSU.
9. *Severnaya pchela*. (1837) 19th June. pp. 537–540.
10. Tsyavlovsky, M.A. (1962) *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow: USSR Academy of Sciences. pp. 276–356.
11. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska: v 3 t.* [Works and Correspondence. In 3 vols.]. St. Petersburg.
12. Belinsky, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works. In 13 vols.]. Moscow.
13. Anon. (1838) Puteshestvie po Rossii Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya naslednika tsesarevicha [The journey across Russia of His Imperial Highness Heir, Tsesarevich]. *Sovremennik*. 9. pp. 1–26.
14. Seidlitz, K. (1883) *Zhizn' i poeziya V.A. Zhukovskogo. 1783–1852. Po neizdannym istochnikam i lichnym vospominaniyam* [The Life and Poetry of V.A. Zhukovsky. 1783–1852. Based on Unpublished Sources and Personal Memories]. St. Petersburg.
15. Seidlitz, K. (1870) *Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben* [Vasily Andreyevich Zhukovsky. The Life of a Russian Poet]. Mitau: Behre.
16. Zagarin, P. (1883) *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and His Works]. Moscow: L. Polivanov.
17. Veselovsky, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo vobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky. The Poetry of Feelings and "Imagination of the Heart"]. St. Petersburg: The Imperial Academy of Sciences.
18. Fofanov, K.M. (2010) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry]. St. Petersburg: The Pushkin House Publ.
19. The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 525. List 1. File 243. pp. 4–7.
20. The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 525. List 1. File 243. pp. 1–3ob.
21. Kleman, M. (1939) K.M. Fofanov [K.M. Fofanov]. In: Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskiy Pisatel'. pp. 3–24.
22. Bokhanov, A.N. (1997) *Nikolay II* [Nicholas II]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
23. Smirenskiy, V. (1935) Politicheskie stikhi Fofanova [Political poetry by Fofanov]. *Literaturnaya gazeta*. 60(551). 29th October. p. 3.
24. Matyash, S.A. (2008) Stikh ballad V.A. Zhukovskogo [The verse of Zhukovsky's ballads]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols.]. Vol. 3. Moscow. pp. 241–262.
25. Glinsky, B.B. (1889) Orest Fedorovich Miller [Orest Fedorovich Miller]. *Istoricheskiy vestnik*. 37 (8). pp. 340–364.
26. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (eds.) (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow: Nauka.
27. Smirnova-Rosset, A.O. (1989) *Dnevnik. Vospominaniya* [Diary. Memories]. Moscow: Nauka.

28. Lotman, Yu.M. & Altshuller, M.G. (eds) (1971) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
29. Zhukovsky, V.A. (1999–2015) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols.]. Moscow.
30. Nikanorova, E.K. (1995) Motiv “neuznannogo imperatora” v istoriko-belletristicheskikh proizvedeniyakh kontsa XVIII – nachala XIX vv. [The motif of the “unrecognized Emperor” in historical and fictional works of the late 18th – early 19th centuries]. In: Romodanovskaya, E.K. & Shatin, Yu.V. (eds) *Rol' traditsii v literaturnoy zhizni epokhi. Syuzhety i motivy* [The Role of Tradition in the Literary Life of the Era. Themes and Motifs]. Novosibirsk: Institute of Philology, RAS. pp. 39–52.
31. Nikanorova, E.K. (2009) The motif of an unrecognized Emperor in its textual and plot modifications (on the materials of the historical anecdotes of the 18th and the first half of the 19th centuries). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*. 1. pp. 36–46. (In Russian).
32. Kobilinski-Ellis, L. (1933) W.A. Joukowski. *Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk* [V.A. Zhukovsky. His Personality, His Life and His Works]. Paderborn: F. Schöningh.
33. Zaytsev, B.K. (1993) *Sochineniya: v 3 t.* [Works. In 3 vols.]. Moscow.
34. Yur'evich, S.A. (1887) Dorozhnye pis'ma vo vremya puteshestviya po Rossii Naslednika Tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha v 1837 godu [The travel letter during Heir Tsesarevich Alexander Nikolayevich's journey across Russia in 1837]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 441–468.
35. Tatishchev, S.S. (1903) *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie: v 2 t.* [Emperor Alexander II. His Life and Reign. In 2 vols.]. St. Petersburg: A. Suvorin.
36. Bunin, I.A. (2004) Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s G.V. Adamovichem (1926–1961) [The correspondence of I.A. Bunin and V.N. Bunina with G.V. Adamovich (1926–1961)]. In: Korostelev, O.A. (ed.) *I.A. Bunin: Novye materialy* [I.A. Bunin: New Materials]. Moscow: Russkiy Put'. pp. 8–164.
37. Bunin, I.A. (2010) “Dragotsennaya skupost' slov”: perepiska I.A. i V.N. Buninykh s Yu.L. Sazonovoy (Slonimskoy) (1952–1954) [“The precious stinginess of words”: The correspondence of I.A. Bunin and V.N. Bunina with Y.L. Sazonova (Slonimskaya) (1952–1954)]. In: Korostelev, O.A. & Davis, R. (eds) *I.A. Bunin. Novye materialy* [I.A. Bunin: New Materials]. Moscow: Russkiy Put'. pp. 267–397.
38. Baboreko, A.K. (2004) *Bunin: Zhizneopisanie* [Bunin: The Biography]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
39. Nosik, B. (2001) *Tsarskiy nastavnik. Roman o Zhukovskom v dvukh chastyakh s dvumya poslesloviyami* [The Tsesarevich's Mentor. A Novel about Zhukovsky in 2 Parts with Two Epilogues]. Moscow: Raduga.